

Сжатие проекции Кремля

В 2015 году военная операция в Сирии знаменовала собой возвращение России на Средний Восток в качестве активного игрока, писал редактор социальных медиа Strategic Culture Foundation Антон Беспалов (“Валдай”, 8.07.2019). Эта констатация сопровождалась надеждами на увеличение роли Москвы в регионе, в том числе в решении палестино-израильского конфликта. 22 ноября 2023 года член Совета по внешней и оборонной политике Фёдор Лукьянов на сайте журнала “Россия в глобальной политике” практически один в один повторил слова Беспалова, сделав при этом существенное уточнение: *«Новый этап наступил с началом военной кампании на Украине. Вся российская политика подчинилась цели достигнуть успеха на украинском театре. Прочие сферы рассматриваются сквозь эту призму»*. В этих условиях линия Москвы на Среднем Востоке, *«вероятно, останется достаточно сдержанной»*.

Изменился и расклад сил. Если Беспалов писал, что *«особенностью присутствия России в регионе является её способность выстраивать отношения со всеми сторонами»*, то Лукьянов с сожалением указывает на то, что *«это действительно уникальное свойство сжалось после начала украинского кризиса»*. Появились *«структурные факторы»*, которые *«заведомо ограничили возможности кооперации России и Израиля»*. Во-первых, *«значительное укрепление взаимодействия России и Ирана, необходимое Москве для решения украинских задач»*. Во-вторых, война в Палестине, которая окончательно зафиксировала *«еврейское государство в качестве неотъемлемой части “коллективного Запада”»*. В этих условиях, продолжает внешнеполитический советник Кремля, *«Москве объективно нужнее взаимопонимание с той частью мира (большинством), которая сейчас осуждает Израиль и с пониманием относится к палестинцам»*.

Иными словами, в условиях стратегического шаха пространство для манёвра российского империализма значительно сократилось.

Силы и время мирового противостояния

Война в Газе, несомненно, обострила региональные противоречия, связав их в сложный клубок, распутывание которого – вне зависимости от воли задействованных в нём средних и крупных держав – может привести к взрыву.

В этих условиях, опять же с оглядкой на Украину, Лукьянов заявляет, что *«Москве на руку перенапряжение США»* (там же). Ему вторит англо-американский неоконсерватор Нил Фергюсон, пусть и в сослагательном наклонении: возможно, *«на встрече в Пекине»* Си Цзиньпин и Путин *«обсуждали, насколько благоприятны нынешние обстоятельства, когда США заняты одним конфликтом в Восточной Европе и другим на Среднем Востоке»* (Bloomberg, 20.11.2023).

Но на встрече в Сан-Франциско, пишет директор Института стран Азии и Африки МГУ Алексей Маслов, лидеры Пекина и Вашингтона попытались *«отойти от “красных линий”»* (РСМД, 17.11.2023). Старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России Иван Зуенко думает, что на данный момент главное для них *«оттягивать [...] отношения от точки невозврата»* (“Россия в глобальной политике”, 20.11.2023). В целом же, как считает научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД) Андрей КОРТУНОВ, *«Китай выигрывает время, готовясь к неизбежному будущему противостоянию с Америкой и исходя из того, что время работает на Пекин, а не на Вашингтон»*.

По мнению Кортунова, *«на встречах лидеров обсуждать можно всё что угодно. И Украину, и Палестину, и Тайвань, и так далее. Но, для того чтобы добиться какого-то прорыва, нужно иметь козыри для торга»*. У Байдена же нет “сочной морковки”, которую он мог бы предложить в обмен на какие-либо серьёзные уступки со стороны Пекина по любой из указанных проблем. Следовательно, *«противостояние Вашингтона и Пекина так или иначе будет продолжаться»*. Попутно Кортунов выливает ушат холодной воды на тех, кто в Москве *«спит и видит, что не сегодня завтра начнётся большая война между Китаем и США»*. Скорее всего, они *«будут разочарованы»* (“БИЗНЕС Online”, 19.11.2023).

В этом можно прочесть убеждение ведущего представителя российской стратегической мысли в том, что украинская авантюра Кремля была стратегическим просчётом. Москва не обладает достаточной критической массой для того, чтобы вызвать потрясения, способные подтолкнуть мир к формированию нового “справедливого” порядка. Для Пекина и Вашингтона, обладающих этим весом, ещё не наступил критический момент. Именно поэтому Пекин предостерегает Москву от резких шагов.

Не по Сеньке шапка

Изначальный смысл этой русской поговорки, датирующейся примерно XVII веком, заключался в том, что каждому следует воздавать по его заслугам. В те времена они определялись исключительно принадлежностью к знатному роду. Простолудин Сенька даже при наличии денег не имел права носить расшитый золотом или драгоценными камнями головной убор. Со временем, как это часто бывает не только с народными мудростями, но и с научными понятиями, смысл поговорки изменился. Теперь её используют по отношению к человеку, находящемуся не на своём месте.

Каково реальное место российского империализма? Каким оно видится из Кремля? Насколько это восприятие соответствует реальности? Создаётся ощущение, что российский правящий класс находится в состоянии специфического когнитивного диссонанса: самовосприятие выше реального веса и значения. Москва ощущает себя одним из центров многополярного мира, но всё более скатывается к роли *региональной державы*. Украинская авантюра лишь усугубила проблемы Москвы. Тот факт, что Киев находится в ещё более тяжёлой ситуации, ничего не меняет. Даже гипотетическая военная победа не позволит российскому империализму преодолеть состояние *стратегического цугцванга*.

Куда ни кинь – всюду клин

Эта русская поговорка указывает на безвыходность. Она уходит корнями в передел земли крестьянской общины, в результате которого возникала чересполосица. Клин – земельный участок одной крестьянской семьи – оказывался в окружении других клиньев.

Два месяца назад мы писали: *«Южный Кавказ всё больше связывается с противоречиями Большого Среднего Востока»*. Нарастает активизм Анкары. Азербайджан пользуется поддержкой не только Турции и Израиля, но и Пакистана. Армения уравнивает сближение с Западом сотрудничеством с Ираном и Индией, в том числе в сфере поставок вооружений. При этом карабахская операция Азербайджана вызвала весьма сдержанную реакцию Тегерана; президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в конце сентября заявил, что Иран позитивно относится к проекту Зангезурского коридора (Центр Карнеги, 25.10.2023). Неудивительно, что в этих условиях премьер-министр Армении Никол Пашинян, хотя и заявляет, что не видит преимуществ в военной базе РФ на территории своей страны (“Ведомости”, 27.10.2023), отнюдь не горит желанием заполучить Москву в качестве врага. ЕС спешит предоставить статус кандидата Грузии. Слышны разговоры о шагах по сближению между Ереваном и Анкарой. Кавказский узел становится всё более сложным.

«В условиях экономической и политической неопределённости в России», – пишет член Глобальной Ассоциации экспертов по миграционной политике Ирина Ивахнюк, – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан – основные поставщики дешёвой рабочей силы на российский рынок труда, на которых приходится почти 90 % трудовых мигрантов – ускорили *«формирование альтернативных миграционных векторов»*. Узбекистан заключил соглашения с Южной Кореей (там узбеки уже входят в пятёрку самых многочисленных групп иностранных граждан), Саудовской Аравией, Великобританией, Израилем, готовится соглашение с Японией. Киргизы едут на работу в ту же Южную Корею, а также Турцию, Германию, страны Персидского залива.

Тем временем Китай *«целенаправленно ведёт курс на превращение региона постсоветской Центральной Азии в часть своего экономического кластера и создание там производственной площадки по образцу стран Юго-Восточной Азии»* (РСМД, 17.11.2023), что в перспективе сократит отток рабочей силы из региона.

И это на фоне того, что в ближайшее десятилетие, по прогнозам экспертов, численность рабочей силы в России может сократиться на 3–5 млн человек. Уже сегодня больше половины занятых старше 40 лет. Дальнейшее повышение пенсионного возраста не решит

проблему, поскольку уже сегодня более 6 млн человек являются работающими пенсионерами.

Дух классовой борьбы против бездушия империализма

Война на Украине привела к увеличению численности армии за счёт мобилизованных и добровольцев, что изъяло из экономики не менее 800 тыс. работников. Кроме того, произошло перераспределение рабочей силы в пользу отраслей военно-промышленного комплекса, что в первую очередь коснулось квалифицированных инженерных и рабочих кадров. Увеличилось число производств, связанных с обеспечением армии продовольствием, обмундированием, горючим. В результате усилился дефицит кадров в «гражданской экономике».

Та же война и последовавшие за ней западные санкции вызвали массовую эмиграцию. Значительная её часть – это молодые люди с высоким уровнем образования. Ивахнюк обращает внимание на то, что это относится как к *«добровольной»*, так и к *«невольной миграции, связанной с осложнением или невозможностью работать в России из-за введённых санкций или перемещением в другие страны международных и иностранных компаний вместе с российским персоналом»* (там же). По некоторым оценкам, численность этих эмигрантов достигает 1 млн человек.

В связи с тем, что репродуктивного возраста в России достигло малочисленное поколение *демографической ямы* 1990-х годов, сокращение населения становится неизбежным. Вентилируемый консервативно-православными кругами запрет на аборт его не остановит. Причиной сокращения рождаемости являются не аборты, число которых с 1990 года сократилось в 10 раз, а характерный для обществ империалистической зрелости *демографический переход*.

Российский империализм – это не *особая цивилизация*, он часть капиталистического мира, с его войнами и кризисами. Именно в этом смысле капитализм – это «цивилизация смерти», которой мы противопоставляем классовую борьбу за коммунизм – «цивилизацию жизни».

Ноябрь 2023 г.